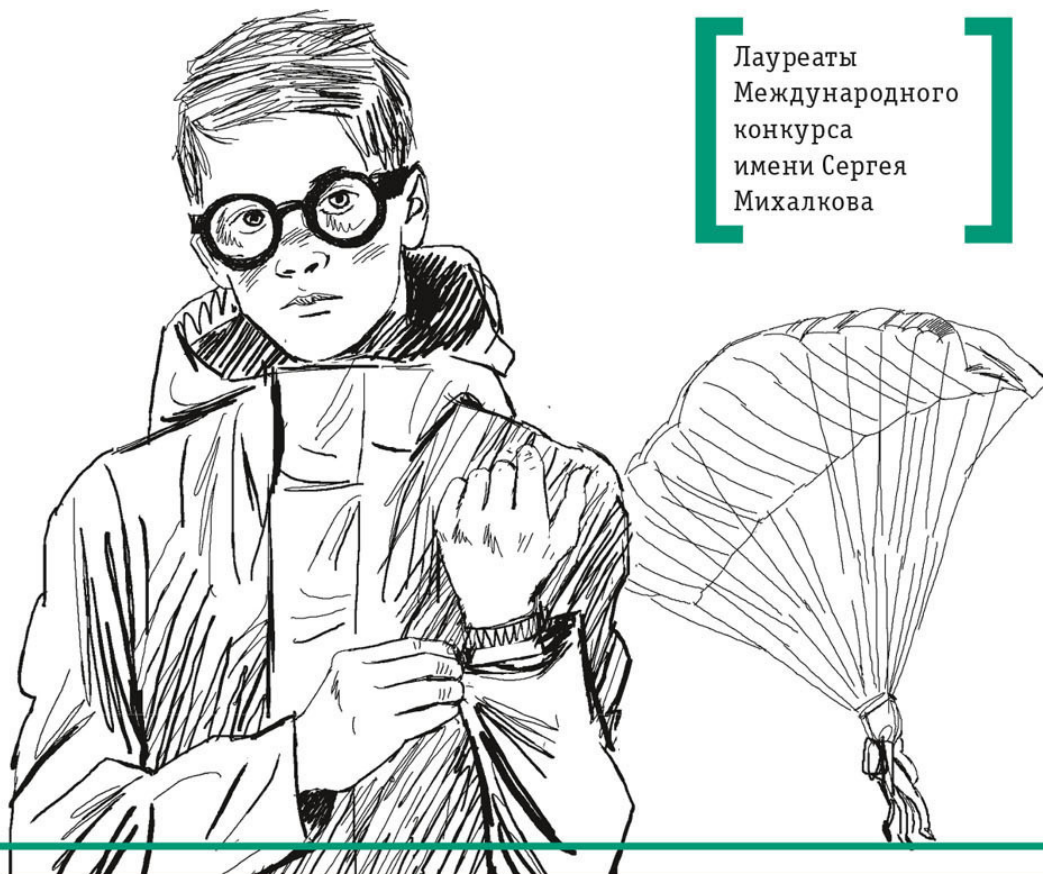

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Михаил Логинов

Приключения по контракту

Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова

Михаил Логинов

Приключения по контракту

Издательство «Детская литература»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Логинов М. В.

Приключения по контракту / М. В. Логинов — Издательство «Детская литература», 2019 — (Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова)

ISBN 978-5-08-006033-5

В фантастической повести «Приключения по контракту» есть секретные лаборатории, секретные службы, секретный контракт. А кроме этого – захватывающие приключения, сложные отношения между героями, поиски настоящих друзей. Главный герой – тихий, нерешительный школьник Лёшка, страдающий от разлада в семье, за десять дней превращается в разумного и деятельного человека с активной жизненной позицией. Помогает ему измениться прибор, разработанный для безопасности арабского принца и проходящий тестирование именно на Лёшке. Но научится ли герой с таким помощником принимать самостоятельные решения или всегда будет слушать искусственный разум? Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-006033-5

© Логинов М. В., 2019
© Издательство «Детская
литература», 2019

Содержание

О конкурсе	8
Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Михаил Валентинович Логинов

Приключения по контракту

© Логинов М. В., 2019

© Рыбаков А., оформлении серии, 2011

© Шевченко А. А., иллюстрации, 2019

© Макет. АО «Издательство «Детская литература», 2019

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, что происходит до настоящего времени. Каждые два года жюри рассматривает от 300 до 600 рукописей. В 2009 году, на втором Конкурсе, был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ».

В 2018 году подведены итоги уже шестого Конкурса.

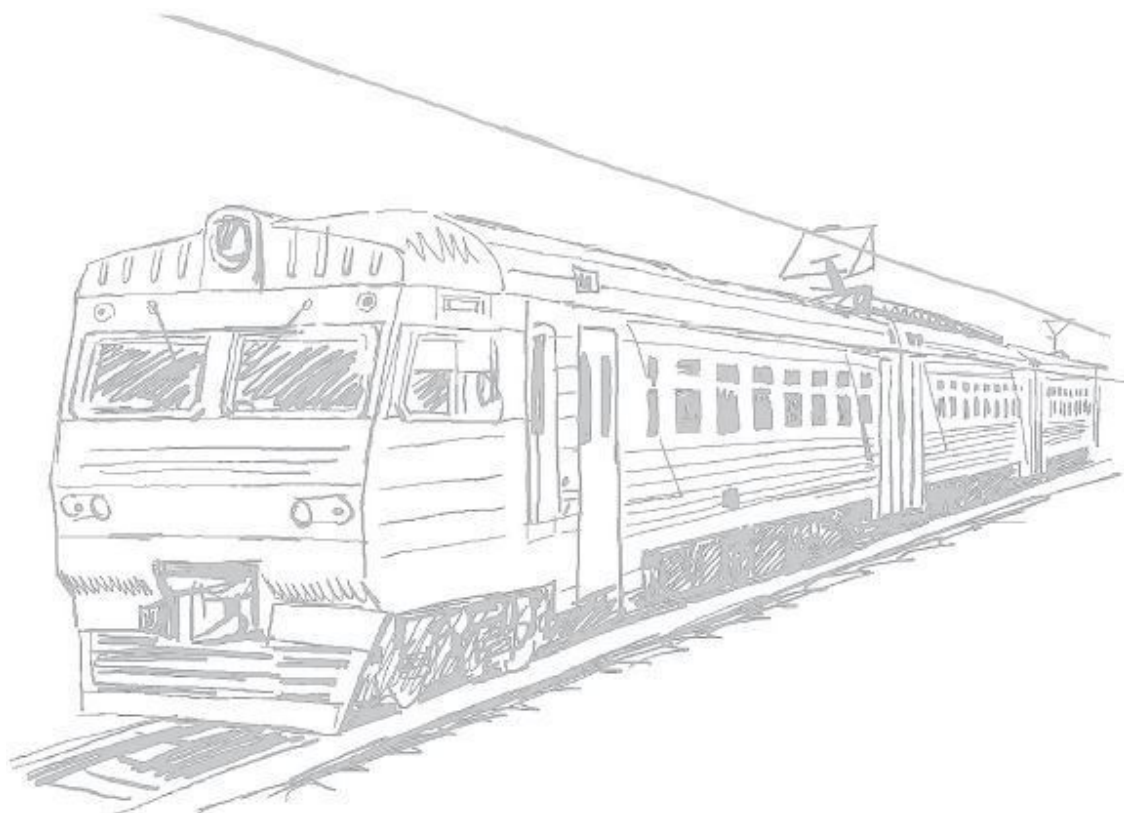
Отправить свою рукопись на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри: взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его подростковом «секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

С 2014 года издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. К началу 2019 года в серии уже издано более 30 книг. Готовятся к выпуску повести, романы и стихи лауреатов шестого Конкурса. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса ассоциации книгоиздателей «Лучшие книги года 2014» в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» именно за эту серию.

Глава 1 «Я живу в мартышке»

Лёшка никогда не ездил «зайцем» в электричке. И сегодня не собирался. Однако пришлось, причем не по своей вине. Контролер-кондуктор стояла в дверях вагона, а деньги на билет были в кармане Кондраша.

«Мальчик, покажи билет».

«Я сел в Мартышкине, там нет кассы. Хотел купить у вас, но в Старом Петергофе меня ограбили».

За пару секунд Лёшка трижды прокрутил в голове диалог с контролершей. И понял: не спасет.

Лёшка не раз слышал разговоры контролеров с застуканными «зайцами». Они называли себя беженцами, погорельцами, агентами секретных спецслужб. Говорили, что не платить за проезд им разрешил лично министр транспорта, показывали документы и справки с пятью печатями. Потом все равно платили.

У Лёшки не было ни документов, ни справок. Только ученический билет. Но по нему можно бесплатно проехать в метро, на автобусе, на трамвае. В электричке – нельзя.

Между тем контролерша шла по вагону. Когда ты с билетом, кажется, что тетя в форменной куртке скользит лебедем между кувшинками. Сейчас контролерша неслась ракетным катером. Причаливала возле сидений, требовала билеты у немногочисленных пассажиров. Пассажиры предъявляли или платили за проезд. А Лёшка не мог.

* * *

Путешествие началось без проблем. Лёшка сел в трясущийся, зато почти пустой вагон, на серое сиденье с подогревом. Удалось выпросить у мамы деньги на билет до Балтийского вокзала. В этом заключалась хитрость: можно выйти на Сосновой Поляне и доехать на автобусе и метро до Васильевского острова по ученическому билету. Конечно, так на полчаса дольше, чем войти в метро на Балтийском вокзале. Но времени у Лёшки хоть отбавляй, а лишних денег нет.

Увы, у Кондраша оказалось другое мнение.

Лёшка заметил опасность не раньше чем Кондраш, а на самом деле Ванька Кондрашов, сел рядом, толкнул и громко сказал:

– Подвинься!

А куда двигаться? С другой стороны сел его приятель и толкнул Лёшку еще сильнее. В сердце ёкнуло.

Надо бы им сказать, что со всех сторон пустые сиденья. Лёшка промолчал: дыхание перехватило от двойного толчка. Только тоскливо подумал: «Мне Кондраша в школе хватает, хоть в дороге дал бы отдохнуть...»

Кондрашов был самой неприятной неприятностью новой школы. Спасибо, учился классом старше, хотя бы на уроке не маячил. Но на переменах и после уроков Кондраш был неизбежен. Первого сентября отнял полтинник. В прежней школе у Лёшки таких приключений не случалось, и он подумал: взял и отстанет. Оказалось, кто заплатил раз, будет платить всегда. Пока не найдется родственник-полицейский или родители не переведут в другую школу.

Дяди-полицейского у Лёшки не было, а забирать документы из школы мама не собиралась. О траблах с Кондрашом не знала.

Лёшка пытался выяснить у одноклассников – именно одноклассников, друзей у него за полтора месяца в новой школе не появилось, – кто еще платит Кондрашу? Все отмалчивались, только Терентьев серьезно сказал: «Коммерческая тайна».

Лёшка пробовал скрываться от Кондраша и компании. Выскакивал из школы, пристраивался к прохожему, шел до станции. Однажды прохожим оказался бегун, к счастью трусцой. С ним Лёшка добежал до пешеходного моста над путями. А дальше, до дома, три минуты.

Сегодня не убежишь.

– Гордый какой! – то ли с уважением, то ли с осуждением сказал Кондраш. – Ни поздоровается, ни поговорит! Ты вообще нас уважаешь?

– Уважаешь? – спросил приятель и опять пихнул Лёшку в бок.

– Уважаю, – сказал Лёшка.

Сердце стучало, голова кружилась, голос стал незнакомым. Будто к языку привязали бесформенное свинцовое грузило.

– Хорошо, – кивнул Кондраш. – Тогда давай.

– Давай! – повторил приятель.

– Что? – совсем растерянно и тихо спросил Лёшка.

– Бабло, – с усмешкой пояснил Кондраш.

– За что? – Лёшка окончательно понял, что вместо него говорит кто-то другой.

– За жизнь без проблем. Или проблемы нужны? Так хоть сейчас.

Голос у Кондраша был красивый, бархатный, певучий. И оттого особенно страшный.

А еще говорили, что Кондраш – каратист.

Лёшка нашел силы оглядеться по сторонам. В вагоне никого, кроме двух пенсионеров у дверей. На Университете села девушка, но смотрела фильм, была в наушниках. Да еще один приятель Кондраша стоял в дверях, караулил.

Глаза бегали по вагону, руки расстегивали молнию, вытаскивали свернутые купюры из нагрудного кармана рубашки, протягивали Кондрашу.

– Всего-то? – сказал тот, то ли серьезно, то ли насмешливо. – А если найду?

«На проезд оставь», – хотел сказать Лёшка. Но не сказал. Язык отказал совсем, а правая рука, жившая своей жизнью, уже вытащила из кармана куртки полтинник и мелочь.

Кондраш разглядел и оценил добычу с профессионализмом кассирши. Выловил три рублевые монетки, вернул Лёшке. Остальные сгреб в карман.

– Ладно. Пока живи. В понедельник поговорим. Будешь бегать – отдашь мобилу.

На этот раз приятель не поддакнул, а молча толкнул Лёшку.

Поезд заскрипел, останавливаясь у платформы. Третий приятель Кондраша махнул рукой от дверей – утекаем.

Через секунду в вагоне кроме Лёшки было только трое прежних пассажиров. А еще в дверях стояла контролерша.

* * *

Лёшка не любил Мартышкино.

Во-первых, из-за названия. «Лёха, где был вчерась?» – «На даче, в Мартышкине». Смех! Поэтому отвечал, что дача в Ломоносове, бывшем Ораниенбауме или, как говорят местные, Рамбовке. Звучит красиво и загадочно. Не все знают, что Ораниенбаум – город, пусть и маленький, и дачи в нем быть не может.

Во-вторых, в Мартышкине скучно. Что такое Мартышкино? Поселок между Петергофом и Ораниенбаумом, разрезанный надвое железной дорогой, среди крутых холмов. Главная часть Мартышки – справа. Там старинная шведская церковь – кирха, там болотистый берег Финского залива с маленьким песчаным пляжем, где нормально не искупаться. И школа, в которой нет друзей, но есть Кондраш.

Слева от железной дороги немного домиков и лес. Родители купили домик в двух шагах от станции, чтобы приезжать без машины. Лёшке это нравилось, но не потому, что в Мартышку просто приехать, а потому, что просто уехать. Закрыв калитку – и через пять минут в вагоне.

Сама дача тоже скучная. Две комнаты, кухня, небольшой участок с цветником и огромной старой скрипучей елью у забора. Сначала она даже нравилась. Но скоро Лёшка убедился, что от этой ели только мрак и тоска.

Как и от самой Мартышки.

* * *

На дачу ездили на машине – с папой или на электричке, если с мамой.

Но однажды утром поехали на такси. Катюшке все нравилось: суета, гора вещей в коридоре, да и само такси величиной с микроавтобус. Лёшка сразу понял: случилось что-то очень плохое.

Предчувствие оправдалось. Мама вошла в Лёшкину комнату и спросила:

– Ты хочешь жить со мной или с папой?

Лёшка икнул от удивления. Но ответил сразу:

– С тобой.

– Катюша тоже со мной. Собирай вещи. Мы уезжаем в Мартышкино. Ты слышал? У-ез-жа-ем!

Лёшка слышал. Но все равно застыл на месте.

Взял рюкзак, потянул молнию – пальцы одеревенели. Мама принялась за дело сама: закинула в большие пакеты Катюшкину одежду и игрушки, потом принялась за Лёшкины вещи.

Собрала куртки и брюки, тетрадки, прошлогодние учебники. Вынула из розетки настольную лампу.

Лёшке казалось – мама движется в темпе ускоренного кино. А он – в замедленном. Все же вписался в кадр, спросил:

– Мама, мы в Мартышку навсегда?

Мама ответила не сразу. Сначала скатала одеяло, запихнула в пакет, втиснула настольную лампу и лишь тогда сказала:

– Не знаю. Но сюда я больше не вернусь.

– Mamочка, почему?

Мама остановила сборы. Опять подошла к Лёшке, положила руки на плечи и проговорила:

– Твой отец сказал мне сегодня ночью: «Это моя квартира». Я спросила его: «А домик в Мартышкине мой?» Он сказал: «Да». Я сказала: «Тогда буду жить там». Он ответил: «Решай сама».

Я решила. Лёша, поторопись! Не спустимся через десять минут, таксист включит счетчик.

Лёшка, дрожа от удивления, страха и тоски, начал забрасывать в рюкзак содержимое ящичков стола. Стал пропихивать «Танковую энциклопедию», но она выпала.

Поднял, хотел попросить у мамы пакет. Вместо этого спросил:

– А папа? Он знает?

Мама опять повернулась к нему. Такого решительного взгляда Лёшка еще не видел.

– Папа с утра на своей работе. Он узнает. Собирайся. Или остаешься с ним?

Лёшка представил этот вариант и торопливо крикнул:

– Нет!

– Тогда быстрее, – тихо сказала мама.

* * *

Лёшка не любил ездить в Мартышкино на выходные. Теперь, за месяц до конца летних каникул, он узнал, что здесь ему придется жить.

Сколько? Наверное, вечно.

В Питер теперь выбирался редко. Сегодня исключение, благодаря дню рождения Катюшки. От отца пришла эсэмэска: «Приезжай за подарком для сестры». Лёшка не очень-то хотел встречаться с отцом. А вот в Питер съездить хотел.

Поехал. И попал на Кондраша. А потом – на контролершу. Говорила же мама: «Мне не нравится эта поездка».

Теперь не нравилась и ему.

* * *

Полтора года назад, за четыре тысячи километров от поселка Мартышкино

В кабинете было прохладно. Так же, как и во всех остальных кабинетах и залах дворца. В левом крыле был даже Ледяной лабиринт, со снегом и льдом, наметенными сугробами и наращенными сосульками – каприз покойного короля. Король любил надевать лыжный костюм и гулять по Ледяному лабиринту, отламывая сосульки, оставляя следы в снегу. Даже иногда играл в снежки с любимой женой.

Ледяной лабиринт был одним из маленьких чудес королевства. Настоящий снег, который сыпется из тучи, в королевстве не выпадал никогда. Вокруг царила жара, такая сильная, что случается в Москве или Питере не каждый год, а если бывает, то считается аномальной.

Еще сто лет назад королевство было самой бедной страной на свете. Редкие путешественники замечали лишь песок на берегу океана и чахлые кусты на песке. Но однажды кто-то из путешественников копнул поглубже и оттуда забил нефтяной фонтан. С каждым годом фонтанов становилось все больше. Нефть превращалась в деньги, а деньги – в небоскребы на двести этажей, мраморные набережные, искусственные острова и опреснительные установки, чтобы поливать вечнозеленые сады на островах.

Король, пожелавший построить небоскребы, мраморные набережные и Ледяной лабиринт в своем дворце, правил долго, но, вопреки местным традициям, наследный принц родился поздно, почти под старость короля.

Десять лет назад короля не стало, и сегодня опекунский совет собрался, чтобы обсудить важный пункт королевского завещания.

– Покойный монарх, да упокоит Всевышний его душу, повелел, чтобы Принц, до того как ему исполнится четырнадцать лет, был послан на учебу в Англию, в достойную школу, выбранную советом, – сказал Хранитель престола. – Время летит быстроногим конем, нам надлежит уже сейчас найти школу, достойную его высочества.

Хранитель говорил медленно и важно. Все равно казалось – он чего-то не договаривает.

– Найти европейскую школу, достойную его высочества, нетрудно, – согласился Главный воспитатель. – Но существует проблема. Покойный монарх, да упокоит Всевышний его душу, сделал важное уточнение. Принц не должен остаться в чужой стране без постоянного надзора, чтобы не приобрел плохие привычки, не сменил веру и не стал футболистом или рэпером.

– «Тот, по чьей вине Наш наследник останется без надзора, потеряет голову», – громко произнес Хранитель закона. Королевское завещание ему полагалось знать наизусть.

– Может, мы создадим английскую школу на одном из островов? – предложил Хранитель казны. – Мы сделаем так, чтобы над островом каждый день шли искусственные дожди. Все учителя в школе будут из Европы, а все ученики, кроме его высочества, – англичане. Хвала Всевышнему, в нашей казне достаточно денег для этого.

– «Мы желаем, – опять громко сказал Хранитель закона, – чтобы Наш наследник, подобно Нам, два года обучался в Англии. Тот, кто посмеет изменить Нашу волю, потеряет голову».

– Мудрые мужи совета, – нетерпеливо возразил Хранитель порядка, – я не вижу затруднений. В английской школе Наследник будет под надзором учителей, а когда пожелает прогуляться за ее пределами, мои лучшие агенты проследят за ним и предотвратят любые беды.

– О, мудрый столп нашей безопасности, – грустно вздохнул Воспитатель, – я не упомянул главную трудность. Когда Принц узнал, что его ждет учеба в заморской школе, он обрадовался. Но сказал: «Мне надоела опека в стенах дворца. Клянусь, что если я захочу погулять по Лондону и узнаю, что за мной шпионят, то шпион и министр, пославший шпиона, потеряют голову в тот же день, когда я взойду на престол. Я не позволю ни одному человеку следить за собой».

– Покойный король, – кивнул Хранитель престола, – всегда исполнял все свои клятвы и даже обещания.

Все замолчали и перевели взгляды на одного прежде молчавшего старца. И Хранитель престола, и Хранитель казны, и Воспитатель были в европейских костюмах, только с легкими белыми платками на голове, а этот человек пришел на совет в халате, таком, какой носили его предки две тысячи лет назад. Это был мудрец, а мудрецы, в отличие от умников, всегда одеваются как хотят.

– Мужи совета, – произнес мудрец, – Принц сказал, что не позволит следить за собой человеку. Я знаю, что нынешний мир полон чудесных изобретений и механический разум,

созданный с разрешения Всевышнего, может быть заключен в объем меньше раковины на морском берегу. И этот разум может издали сообщить, где находится Принц и нуждается ли он в помощи. А может и помочь Принцу. закажем такое устройство, сделаем его вид приятным для глаз Принца, убедим его не расставаться с ним. И мы выполним завещание, не потеряв ни одной головы.

– Твои слова мудры, – сказал Хранитель престола. – Я распорядюсь уже сегодня начать поиск иноземной лаборатории, способной выполнить такой заказ. Мы обратимся к американцам, немцам и японцам. . .

– Я считаю нужным также обратиться и к русским, – добавил Хранитель порядка. – Мне известно, что у них есть несколько секретных лабораторий и они делают приборы, которых нет в других странах. Мы узнаем, что нам пообещают американцы, японцы и русские, соберемся снова и примем решение.

– Да будет так, – сказал Хранитель престола.

* * *

Контролерша уже миновала пенсионеров и встала над девушкой. «Смотрит фильм, не замечает», – понял Лёшка. Наконец контролерша буквально достучалась до пассажирки. Девушка вошла на Университете, но конечно же ответила, что в Мартышкине, ведь там нет кассы. Протянула купюру, судя по недовольному лицу контролерши, очень крупную. Донеслись слова: «Мельче нет?»

Мельче не было. Контролерша отсчитывала бумажные деньги, потом высыпала на ладонь мелочь, стала выбирать. «Как Кондраш», – подумал Лёшка.

И понял, что теряет время. Осторожно, будто выдираясь из колючего куста, встал с теплого сиденья. Стал застегивать куртку, но молния не попадала в паз. Потянул сильнее, показалось, что язычок погнулся. Тогда просто закинул на плечо лямку рюкзака. И ехал-то десять минут, а ноги уже казались ватными, хоть учишься ходить заново. Все же сделал несколько шагов...

– Мальчик, еще не станция, – донесся профессионально-насмешливый голос контролерши.

Лёшка хотел ответить, что ему выходить из первого вагона, но не стал. Во-первых, в Новом Петергофе станционные турникеты в конце перрона, поэтому из первого вагона прыгают на рельсы только безбилетники. А во-вторых, не был уверен, что язык опять не станет свинцовым.

Краем глаза заметил, что контролерша отсчитала сдачу и проштамповывала билет.

Непослушные ноги все же донесли Лёшку до дверей. Еле открыл, навалился на ручку тамбура, шагнул. Ходить по вагонам он не любил: гремит, мелькает внизу, качает. Ступишь не так и сорвешься в летящий грохот. Покачиваясь, как на палубе в бурю, Лёшка схватил следующую ручку, холодную и скользкую, вошел в спокойный тамбур.

– А дверь кто закроет? – донеслось сзади. – Ишь ты, барин!

Лёшка хотел вернуться, закрыть. Но сделать даже шаг назад не смог.

В следующем вагоне народа было побольше: человек десять сидели, а пожилой дяденька даже спал, аккуратно застелив сиденье бесплатными газетами.

«Дяденька, дяденька, спите, пожалуйста, покрепче! – подумал Лёшка. – Пусть контролерша встанет рядом с вами, начнет будить. А вы будете долго-долго просыпаться, забыв, что вы не дома. И еще забудете, в каком кармане деньги, и заплатите за билет не сразу. Еще лучше – не заплатите и начнете скандалить».

От этой фантазии стало легче на душе. Лёшка быстро прошел в конец, сразу открыл дверь, проник через тамбур в следующий вагон и на этот раз уже закрыл обе двери между грохочущим пространством.

Он шел из вагона в вагон, а поезд тащился от Старого Петергофа к Новому Петергофу, мимо огородиков, маленьких деревянных домиков вблизи, больших домов вдаль и невидимых отсюда дворцов с фонтанами.

Добрался до первого вагона. «Чего же он сегодня так медленно, может, выбился из графика и нарочно тянет, чтобы попасть в расписание?»

Наконец электричка протаскилась под старинной вычурной аркой и замерла у платформы.

Лёшка выскочил и поступил, как все «зайцы», за которыми он до этого наблюдал, – помчался вдоль поезда, стараясь не врезаться во входящих и выходящих пассажиров. Еще – так тоже делали «зайцы» – вглядывался на бегу в окна вагона, высматривал контролершу. Заметил, что она в четвертом вагоне от конца. Пожелал ей идти и дальше, к головному вагону,

а не возвращаться. Все же врезался в дяденьку с двумя тяжелыми сумками. Крикнул: «Извините!» – и заскочил в уже поскрипывающие двери последнего вагона.

Поезд тронулся и медленно поехал. Нет, не медленно поехал, а пополз, как перегруженная черепаха (если грузовые черепахи существуют). Лёшка прижал нос к стеклу и стал смотреть на окраинные домики Петергофа. Если не видеть, что происходит за спиной, в тамбуре, может, тогда контролерша не придет?

Еще Лёшка вспоминал, сколько станций до спасительной Сосновой Поляны. Красные Зори, Стрельна, Сергиево. В Красных Зорях останавливается не каждая электричка. Пожалуйста, только не это! Тогда контролерша успеет вернуться в последний вагон и спросит: «Мальчик, где твой билет?»

– «Зайчик», а почему ты нас не спрашиваешь: «Вы охотника не встречали?»

Лёшка обернулся, только сейчас сообразив, что он в тамбуре не один. Рядом стояли четверо ребят, его ровесников, два парня и две девчонки. Спросила девчонка, в рыжей, чуть расстегнутой куртке, с откинутым капюшоном и безупречно золотыми волосами-колечками. Ее темноволосая подружка, чуть ниже ростом, с интересом смотрела на Лёшку. Мальчишки были у окна напротив. Помалкивали и тоже смотрели.

– Какого охотника? – удивленно спросил Лёшка. Сразу почувствовал, что этих ребят бояться нечего, потому язык и не бастовал.

– Который на зайцев охотится, – пояснила рыжая девчонка. – Как в сказке: заяка бежит по лесу и всех спрашивает: «Вы видели охотника? Он за мной гонится?»

Брюнетка усмехнулась, парни тоже. Испуг у Лёшки прошел. Даже стало обидно. Вспомнил, как еще недавно с такой же компашкой гулял по городу. Федя, Славка, Саня... Рыжая девчонка точь-в-точь, как Вика, только Вика в очках. Попробовал бы тогда Кондраш к нему подкатить! Взглянул бы на Федьку, так сам отдал бы мелочь.

Этим тоже хорошо. Едут группой, никто у них ничего не отберет. И смеются над ним, путешественником-одиночкой!

– Не спрашиваю, потому что видел. Еще вопросы будут?! – резко сказал Лёшка.

Обычно после такого собеседник отстает. Рыжая девчонка, напротив, обрадовалась.

– Конечно, будут! Знаешь, как редко встречаются люди, которые готовы отвечать!

После этого она сделала то, чего Лёшка не ожидал. Достала микрофон, сунула ему под нос.

– Скажите, вы давно ездите «зайцем» в поездах Балтийского направления? Сколько раз в месяц? Какую сумму в среднем вам удается сэкономить в неделю?

Лёшка оторопело глядел на рыжую девчонку, не понимая, чего она от него хочет.

– Синицына, ты забыла, что говорил Илья Анатольевич: если задаешь респонденту три вопроса одновременно, он имеет право ответить лишь на один, – укоризненно сказала брюнетка. – К тому же ты не представилась.

Лёшка опять ничего не понял. А брюнетка показала пластиковую карточку со своим портретом и большой печатью:

– Медиа-холдинг «Петергофское время» лица имени Штакеншнейдера¹. Уважаемый респондент, относящийся к социальной категории «железнодорожный заяц», вы правда согласны ответить на наши вопросы?

– Да, – на автомате кивнул Лёшка.

А сам взглянул в окно. Там мелькнула платформа. Этот поезд в Красных Зорях не останавливался.

---

¹ Ш т а к е н ш н ё й д е р Александр Иванович (1802–1865) – русский архитектор, спроектировавший ряд дворцов и зданий в Санкт-Петербурге и Петергофе.

– Хорошо. Тогда, пожалуйста, представьтесь, – попросила Сеницына, взявшая инициативу в свои руки.

– Алексей Климов, ученик восьмого «А» класса школы поселка Мартышкино, – рассеянно проговорил Лёшка. И заглянул в вагон – не появилась ли контролерша?

Еще заметил: на слово «Мартышкино» никто не усмехнулся. Петергоф рядом, знакомая станция.

– Уважаемый Алексей, – продолжала Сеницына, – сколько раз в месяц вы ездите «зайцем» в электричках?

– Первый раз в жизни, – ответил Лёшка. А так как девчонки и парни взглянули с явным недоверием, добавил: – Я вообще из Мартышки редко выезжаю.

– Уважаемый Алексей, какая цель вашей нынешней поездки? И почему у вас нет денег на проезд? – опять спросила Сеницына. – Кстати, имейте в виду: в микрофон встроен миниатюрный детектор лжи.

Сама улыбнулась, брюнетка тоже, хотя и укоризненно взглянула на подругу.

«Ведь говорил же ей Илья Анатольевич: задавай только один вопрос», – подумал Лёшка. Хотел даже напомнить. Но вместо этого сказал громко и четко:

– Нет денег, потому что ограбили в Старом Петергофе. Еду к отцу, за подарком для сестренки Катюши. У нее завтра день рождения, а мама запретила папе к нам приезжать. Еще вопросы будут?! – под конец чуть не крикнул.

Девчонки переглянулись. Сеницына даже убрала микрофон. Спросила, уже не наигранным тоном, а будто подруга:

– Правда?

– Правда, – чуть тише ответил Лёшка.

А сам взглянул через стекло, в вагон. Контролерша появилась. Она подходила к пассажирам, кивала – билет уже проверен, шла дальше.

Заодно посмотрел наружу. Там мелькали дома, но поезд пока не тормозил. Стрельна – поселок длинный.

– Если все так сложно, может, ему билет купим? – шепотом предложил один из парней.

– Дань, не получится. Его оштрафуют за то, что убежал, – возразила брюнетка.

Лёшка опять посмотрел в вагон. Контролерша остановилась у сиденья, ближайшего к двери, у пассажира-новичка, который тоже сказал, что сел в Мартышкине. Недовольно качала головой, но печатала билет на своей маленькой машинке-кассе.

Поезд начал тормозить. Ужасно медленно.

– Лёш, – сказала брюнетка, – мы это интервью точно не опубликуем.

И тут у Лёшки появилась идея:

– Вам надо интервью? Тогда возьмите у контролера!

Ребята переглянулись.

– С каждого по вопросу, – кивнула брюнетка. – Задержим. Да, мы же не представились.

Полина.

– Алиса, – рассмеялась рыжая подруга. – С меня за бестактность два.

«Точно лиска-алиска, – подумал Лёшка, – и сама рыжая, и куртка такая же».

За окном замелькала платформа, поезд скрипел и тормозил. В тамбур вошла контролерша.

– Маль... – недовольно и грозно начала она.

Но ее перебили.

– Алиса Сеницына, медиа-холдинг «Петергофское время» лицея имени Штакеншнейдера, – протараторила лисичка. – Будьте добры, расскажите нам, что привело вас в эту интересную и трудную профессию? И когда вы начали работать контролером?

– Полина Севастьянова, – представилась брюнетка. – Сколько в среднем вы реализуете билетов за день?

– Максим Берг, – пробасил парень повыше. – Скажите, у вас есть мобильный терминал для оплаты билета банковскими картами?

– Даниил Заволжский, – продолжил его друг. – Существует ли у вас инструкция на случай обнаружения в поезде настоящего лесного дикого зайца? Должны ли вы сами экстрадировать его за пределы вагона или вызвать МЧС?

Контролерша растерянно глядела на юных интервьюеров. Приключений у нее хватало: грубили, хамили, не хотели платить. Но интервью, да еще в четыре голоса, не брали никогда. Шаблоны были порваны разом и в клочья.

В эту секунду поезд замер окончательно. Пока двери раскрывались, Лёшка успел уловить взгляд Полинки: «Давай беги, и пусть у тебя будет все в порядке!»

Лёшка кивнул в ответ и рванул по платформе. Бежать было проще и опасней, чем в прошлый раз: народа на перроне меньше, но и двери должны закрыться быстрее. Успел влететь в третий вагон от начала. Пошел к первому, проходил между тамбурами без страха. Контролерши тоже не боялся. Вместо боязни была печаль: «Ну надо же! Почему я учусь не в Петергофе, в этом лицее, с Алисой и Полинкой? Почему в Мартышкине?!»

Пока думал и горевал, поезд проехал короткий перегон до Сергиева. Лёшка не стал повторять пробежку: вряд ли интервью закончится быстро, да и в Стрельне подсел народ, надо билеты проверить.

Не ошибся. Когда электричка замерла у платформы Сосновая Поляна, контролерша наконец-то дошла до первого вагона. Лёшка помахал ей рукой и покинул поезд. А потом помчался по платформе, будто за ним гнались. Хотел спросить телефон Полинки. Но двери закрылись, и поезд тронулся ровно в ту секунду, когда Лёшка оказался в конце поезда.

Успел только стукнуть в стекло. Поинка обернулась, улыбнулась и умчалась вместе с электричкой.

Лёшка стоял возле лесенки. Его обтекали пассажиры, идущие на автобус или трамвай – на кольцо самой крайней станции Питера.

«И мне идти надо, – подумал Лёшка. – Брр, зябка! Впрочем, я собирался доехать до Сосновой Поляны, чего жаловаться?»

И побежал к остановке.

Глава 2

Полевое тестирование

В Санкт-Петербурге, на Васильевском острове, неподалеку от старого университета, стоит двухэтажный особняк. Летом он обрастает плющом, зимой – сосульками. Однако дорожка к зданию всегда очищена, вход освещен, окна светятся всю ночь. Немногие знают, что это – лаборатория, появившаяся в те давние времена, когда паровоз был в диковинку, а вместо электрических ламп по вечерам зажигали газовые фонари.

Лаборатория работала всегда, несмотря на войны и революции. Работала, выполняя заказы, за которые мало кто еще взялся бы во всем мире.

Сейчас шла презентация одного из таких заказов. Заказчик, точнее, его представитель глядел на стол с интересом и недоверием. Недоверие было профессиональным, а интерес – подлинным.

На столе лежало пять предметов. Широкий наручный браслет, большие круглые очки с толстыми дужками, два отдельных наушника и обычный мобильный телефон. Правда, непонятно, какой фирмы.

– Все это в комплексе называется МИК – Мобильный интерактивный консультант, – сказал руководитель проекта. – Его также можно назвать Мобильный интерактивный контролер, но только не в присутствии нашего заказчика-шейха. Давайте прогуляемся с МИКом.

Засветился монитор. Появился мультимальчик лет тринадцати. Он показал левую руку с браслетом.

– Контактный контроль, – пояснил руководитель, – давление, мгновенная кардиограмма, экспресс-анализ крови, диагноз и рекомендации. Плюс некоторые специфические функции.

Представитель кивнул – понятно.

Мальчик нацепил наушники, тряхнул головой. Наушники не сдвинулись с ушей даже на миллиметр.

– В них можно бегать, прыгать кувырком, драться.

– Плавать? – спросил представитель заказчика.

– Нежелательно, но если случайно упасть в воду, за три минуты ничего не случится. Наушники держатся цепко и мешают не больше, чем кольцо на пальце. Бывают ситуации, когда наушники желательно снять, например в театре, в классе, в храме...

Мальчик на экране снял наушники, положил в карман.

– Но в его ушах все равно остались две мембраны-динамика, и он слышит голос МИКа. Кроме того, благодаря мембранам, МИК фиксирует окружающие звуки, – уточнил руководитель проекта.

Экранный мальчик надел очки. Чуть согнулся, резко упал на пол, отжался, вскочил. Очки остались на носу.

– Наушники – язык и уши МИКа, очки – глаза. Они не мешают смотреть пользователю, но при этом смотрят сами, на свету и в темноте. Картинка, увиденная очками, звук, зафиксированный мембранами, данные о состоянии организма передаются в интеллект-модуль.

– Умные очки не новость, – заметил представитель заказчика.

– Это самые умные очки, – ответил разработчик. – И самые вежливые. Они все видят, но ничего не покажут, пока хозяин не разрешит.

Мальчик открыл чехол на поясе, засунул телефон.

– При желании его можно использовать как обычный мобильник, – пояснил руководитель проекта. – Но выключить пользователь его не сможет. Аккумулятора хватает на месяц, потом вставляется сменный.

Между тем нарисованный мальчик уже шел по аллее парка. Из-за кустов выскочила собака, с громким лаем метнулась навстречу. Мальчик застыл, пес подскочил, гавкнул пару раз и побежал дальше, по своим собачьим делам.

– Любому постороннему прохожему покажется, что мальчик встал просто так, – сказал руководитель, щелкая мышкой, – но на самом деле...

– «Стой на месте! – раздался громкий, командный и очень уверенный голос. – Он не нападет. Отлично. Иди дальше».

– Это то, что слышит пользователь, – пояснил руководитель проекта. – Переходим к более сложной ситуации.

Мальчик шел по ярко освещенной улице. Навстречу – фигура в плотно надвинутом капюшоне.

– «Мелкий торговец дрянью, – раздался голос в ушах мальчика, – каждая четвертая порция товара вызывает отравление, а каждое третье отравление – со смертельным исходом. Оно тебе надо?»

Голос был по-прежнему уверенным, но уже не столько командным, сколько дружелюбным. Голос друга, который все знает и хочет предупредить. Мальчик резко помотал головой, фигура отошла к стене – поджидать другую доверчивую жертву.

– И еще сложнее, – сказал руководитель.

Мальчик свернул в переулок. Навстречу шли трое парней, вида мрачного и решительного.

Внезапно мальчик громко запел: «Джингл бенц». Ошеломленные парни остановились, а мальчик быстро прошел мимо них.

– Впечатляет, – прокомментировал представитель заказчика. – Кстати, почему виртуальный друг говорит не по-арабски?

– Чтобы вам было проще понять, – улыбнулся руководитель проекта. – Активный лингвоблок рассчитан на три языка. Мы заложили арабский, английский и русский – об этом просили в приложении к техническому заданию. Принц, если захочет, сможет выучить русский язык. Когда займет престол, у нас появится новый друг на Ближнем Востоке.

Представитель тоже улыбнулся и спросил:

– Прибор прошел полевое тестирование?

– Нет. Пусть они сами найдут мальчишку того же возраста, роста и веса. Две недели он поживет, как принц, – вежливо сказал руководитель проекта.

Его собеседник уже не улыбался.

– Иван Николаевич, – резко сказал он, – в техническом задании напрямую прописано полевое тестирование устройства. Мы должны передать заказчику не только прибор, но и отчет о том, как сверстник Принца использовал его. И не в лабораторных условиях, а в повседневной жизни. Причем в режиме нагрузок и даже экстремальных ситуаций: быстро бегал, катался на самых адреналиновых аттракционах, прыгал с парашютом, может, подрался. Период испытания должен продлиться не меньше десяти суток. До дня передачи прибора меньше двух недель. Если полевое тестирование еще не начато, оно должно начаться завтра утром, а лучше – сегодня вечером.

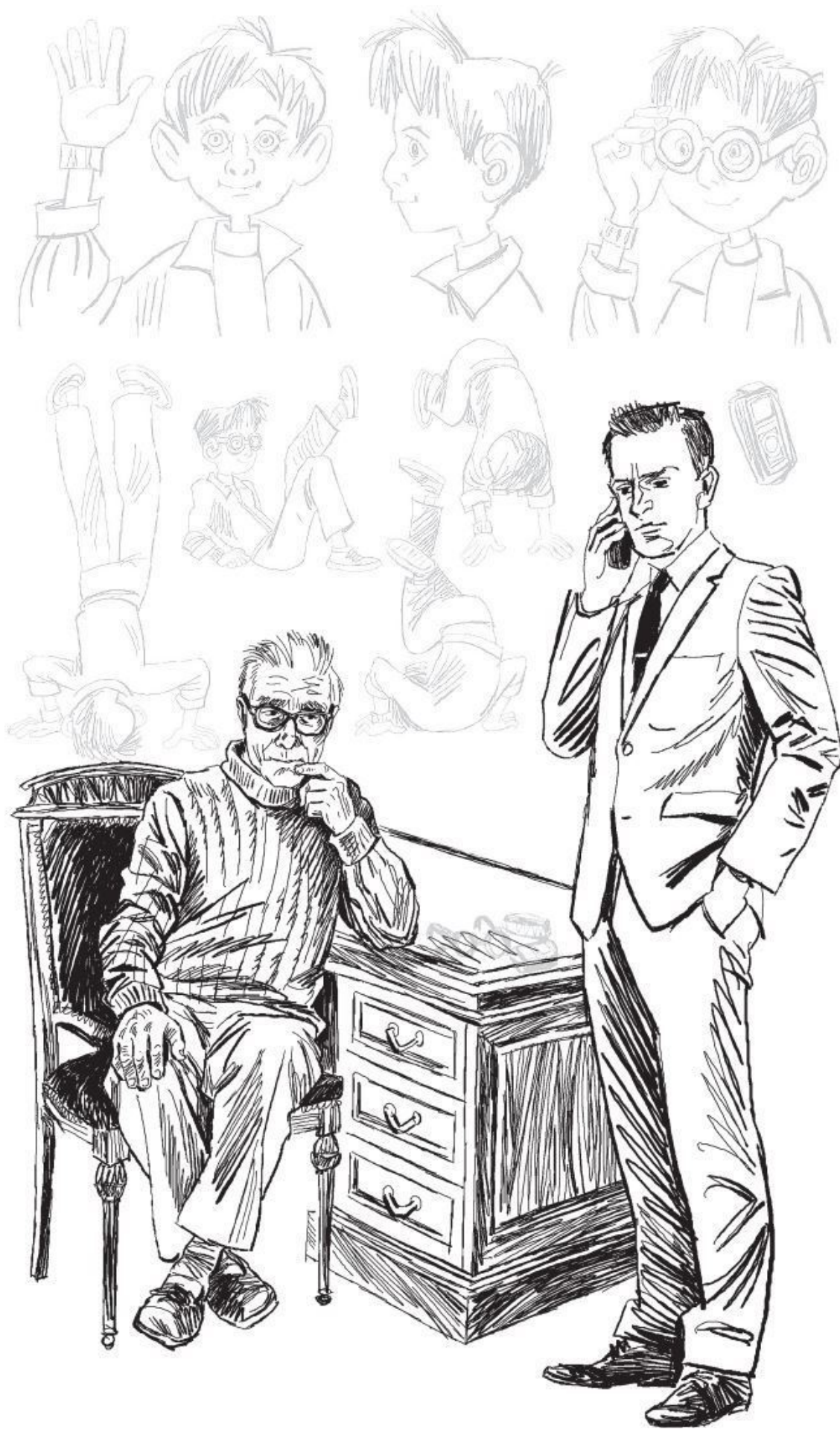
Теперь не улыбался и руководитель проекта. Он подбежал к старому столу, в столешницу которого въелись чернила, пролитые еще во времена царя Николая II. Открыл ящик, всмотрелся в лист бумаги, протянул гостю.

– Простите, Игорь... Игорь Михайлович, в моем экземпляре договора о полевом тестировании ни слова.

Представитель заказчика пробежал глазами лист. Открыл портфель, вытащил такой же договор, вчитался, бросил на стол. Потом резким движением не просто достал – вырвал телефон из кармана.

– Это я. Почему в русский текст не попал подпункт «б» пункта № 14?! Переводчик? Ладно, с переводчиком – позже. Пока передай, что выговором не отделается. Это контракт на миллионы! И не рублей!

После этого представитель заказчика произнес такое грубое слово, которое в этой комнате не слышали со дня постройки здания.

– Вот так у нас всегда... – вздохнул руководитель проекта. – Задумали, строили, построили, а из-за какого-то винтика-гвоздика всё и...

– Иван Николаевич, без философии, – уверенно и спокойно перебил его представитель. – По факту – косяк наш, к вашей лаборатории претензий нет. По ситуации – проблема общая. В наших интересах предоставить прибор с итоговым протоколом полевого тестирования. Найдите мальчишку, расходы на полевое тестирование в бюджет заложены. Контракт для испытателя составлен, сейчас я его распечатаю. А вы ищите ровесника Принца.

– Все не так просто, Игорь Михайлович... – вздохнул руководитель проекта. – Мы не зря запросили основные параметры будущего пользователя. Отклонения по росту и весу возможны, но очень незначительные. Кстати, это было одним из условий: когда Принц подрастет, то использовать МИК уже не сможет, и если не захочет расставаться с другом, то отдаст нам на апгрейд². Я расспрошу коллектив, люди обзвонят знакомых, и, наверное, завтра-послезавтра...

– Мальчик найдется через час, – громко ответил представитель заказчика, закрывая портфель. – Еще через три часа с его родителями будет подписан контракт, а наш временный принц наденет браслет, очки, наушники, и десять дней тестирования пойдут с сегодняшнего вечера.

– Где мы найдем мальчика? – спросил Иван Николаевич.

– В кафе, в кино, на улице. Желательно, чтобы шел с родителями, но в таком возрасте с родителями гуляют не часто. Сейчас нам главное уложиться в параметры веса.

– Мы возьмем переносные весы?

Представитель заказчика улыбнулся и показал прибор, похожий на зажигалку.

– Дистанционный определитель массы. Фокусируется на объекте и выдает его вес с точностью до двух миллиграммов. Разработчик – наш мастер Лукьянов, без его миниатюризации вы бы не смогли загрузить всю начинку в основной модуль, как, впрочем, и в браслет.

– Тот Лукьянов, который сделал хронокомпас? – спросил руководитель проекта.

– Он самый. Отличная штука для похода на рынок. Тебе взвешивают помидоры, а ты сообщаешь продавцу, на сколько граммов он ошибся.

– А если продавец обидится и полезет драться? – улыбнулся руководитель проекта.

– На этот случай – перстень-электрошокер, тоже чудо миниатюризации. Одевайтесь скорее, пока не найдем, я в Москву не уеду.

* * *

Лёшка решил не торопиться. Времени еще вагон, а домой возвращаться не хотелось. Подловил себя на этой мысли, печально улыбнулся: Мартышка уже стала домом!

Может, так, может, нет. А вот квартира на Васильевском острове уже не дом.

Лёшка вспомнил, как перед первым сентября уговаривал маму разрешить учиться на Васильевском. Мартышкинская школа ему категорически не понравилась, еще до встречи с Кондрашом.

– Мама, давай я буду ездить. Всего три часа туда и обратно.

Мама ответила:

– Не три, а все четыре. И не это главное. Однажды *он* встретит тебя после школы, возьмет за руку и отведет к себе. Ты не сможешь вырваться.

Кто такой *он*, было件нятно. С того самого памятного утра мама ни разу не назвала папу «папой».

Сегодня отпустила, наверное, потому, что *он* точно не оставит при себе. Иначе кто ответит подарок Катюше?

---

² А п г р ё й д – обновление или замена оборудования или программного обеспечения на более современное.

Схватить его за руку, отвести домой папа смог бы. Заманить, обмануть – нет. Не тот характер.

* * *

Чай пили на кухне. Лёшка старался не ходить по квартире. Не хотел заглядывать в свою и Катюшкину комнату, вспоминать, как недавно...

Чего вспоминать?!

Разговор был долгий, нудный, неприятный. Как прогулка босиком по пляжу, усеянному битыми стеклами. Лёшка осторожничал, как всегда, в разговоре с папой. Папа тоже обходился без подробных вопросов.

Например, как ему в новой школе? Лёшка ответил, что терпимо. Программа та же, учителя почти такие же, задания стандартные. Про друзей папа не спрашивал Лёшку и в прежнем классе.

Спасибо, что не спрашивает. Врать не хотелось, а сказать правду... Тогда папа непременно скажет: «Начнем с того...» Наверное, с того, что, чтобы были друзья, с ним должно быть интересно. А то, что с Лёшкой дружить неинтересно, папа говорил не раз.

Тем более ни слова о проблемах с Кондрашом. О нем Лёшка и маме не рассказывал.

Потом папа спросил:

– Как ты сам к этому относишься?

– Не нравится, – искренне ответил Лёшка. И постарался, чтобы вопрос остался без развития.

– До сих пор не понимаю, как она могла так поступить, – сказал папа.

Лёшка просто кивнул. Чего спорить, он тоже не понимал.

К чаю папа достал из холодильника пирожные – «ты же любишь». Пирожные Лёшка любил. Но это опасное угощение. Съешь эклер, потянешься за вторым – в глазах папы проскользнет усмешка: «Эх ты, Обжоркин!»

Поэтому Лёшка съел лишь одно пирожное и старался больше не смотреть на коробку. На папу – тоже.

Это было нелегко. Но Лёшка давно научился. За папиной головой – бежевые обои с пальмовыми листьями. Можно смотреть на эти листья, воображать пальму целиком. И остров с пальмами. И крокодилов под пальмой, и обезьянок на пальме... только не мартышек. Вроде смотрит папе в глаза, вроде и не смотрит.

Потом папа поглядел на часы. Принес подарок – набор «Юный доктор», его Катюша просила еще весной. Хорошая память у папы!

Подарок влез в рюкзак со скрипом, пришлось удлинить лямки. Пока Лёшка возился, папа молчал. Лёшке казалось – он делает неправильно, сейчас папа с усмешкой посоветует, как надо. Но тот не стал.

Лёшка оделся. Папа вышел с ним в коридор, обнял, сказал:

– Передай маме: если проблемы с водопроводом или светом, я подъеду, помогу.

Лёшка хотел сказать, что проблемы уже бывали, но мама справлялась. Обещал передать. Замялся на пороге. Папа спросил:

– Есть деньги на дорогу?

Лёшка качнул головой. Папа дал несколько бумажек, похлопал по плечу и закрыл дверь.

* * *

В своем микрорайоне Лёшка шел быстро и с оглядкой – не хотел встретить прежних школьных друзей. Настроение не то, да и непонятно, что отвечать на вопросы: «Ты чего, совсем

в этой Рамбовке поселился? Может, квартиру отобрали за долги?» Тут кто-нибудь скажет, что не отобрали, что видел недавно папин автомобиль возле парадной. Тогда спросят, почему папа здесь, а Лёшка в Рамбовке?

Поэтому спешил и оглядывался. Обогнул остановку дворами, на всякий случай вышел на параллельную улицу. И направился к метро пешком.

Не то чтобы Лёшка любил пешие прогулки, но возвращаться не хотелось до дрожи и тоски.

В принципе жить в Мартышке можно: газ, нормальный туалет, а не будка на огороде, водопровод, бойлер. Папа за два года отремонтировал дом, так что можно зимовать. Но Лёшка вспоминал темные улицы поселка, длинные глухие заборы, злобный лай цепных собак, непривычную и оттого мрачную ночную тишину.

Потому-то и не хотелось расставаться с городскими огнями и городским шумом. Лёшка неторопливо проходил мимо витрин, заглядывал в них, а если внутри магазина было особенно ярко, то заскакивал – не столько погреться, сколько напитаться светом.

В компьютерном магазине «Байт и блок» задержался надолго. Засмотрелся на моноблоки и большие ноуты. Был бы такой в Мартышки-не, тогда жить терпимо. Надел наушники, врубил «Танки» или «Большой зомби-квест»... Увы, у Лёшки старый планшет-андроид.

Клянчить замену не решался. Знал: у мамы напряг с деньгами. Поэтому Лёшка берег планшет. Даже в школу не таскал – вдруг однажды Кондрашу приглянется?

Да, кстати... Ну зарубился бы в «Танки», просидел бы час-другой. А за окном осенняя темень, и с каждым вечером все темней. И где-то в этой темноте – Кондраш. Запланировал с тобой встречу завтра в школе. И она состоится.

Весь кайф от игры пропал.

Большой ноутбук, моноблок... Разве это мечта? Вот подружиться бы с Полинкой и ее компашкой. Катался бы к ним в Петергоф, может, они прикатились бы в Мартышку. Кондраш увидел бы их вместе – отстал бы. Или ребята объяснили бы, как отделаться от Кондраша. Они журналисты – должны всё знать.

Лёшка резко остановился. Вдохнул, побрел совсем уж печально.

Ну да, они журналисты. А он кто? В школе с тройки на четверку, дома – танки и зомби. Они же с ним заскучают! Заговорят о своих репортажах, а ему только кивать и краснеть, не въезжая в темы. Погуляют с ним раз-другой, от доброты. Потом он сам отстанет, поймет – им скучно. И вернется за монитор.

* * *

Между тем улицы стали еще светлей и оживленней. На самом деле не улицы, а линии – было уже недалеко до «Василеостровской». Лёшка представил, как быстро-быстро домчится до «Балтийской», мимо ярко освещенных станций. И сядет в тусклый вагон электрички. За окном сначала будет светло, потом, с каждой станцией, темнее и темнее. Потом – Мартышка. Да еще ехать мимо места, где днем отобрали деньги...

Можно растянуть поездку в метро. Добраться до одной из конечных станций и сесть в маршрутку, помчаться по Петергофскому шоссе и пару раз увидеть в окно море. Если ясное небо, разглядеть огни кораблей, идущих в питерский порт.

Вот только маршрутка остановится недалеко от школы. Значит, идти темными улицами, с повышенными шансами встретить Кондраша. Тот вроде бы обещал поговорить в понедельник. Но Лёшка знал: такие типы, как Кондраш, хозяева своего слова – сам дал, сам взял. Тем более теперь Лёшка опять ценная добыча. В кармане деньги, заодно можно посмотреть, что в рюкзаке.

Лёшка представил, как Кондраш заставляет его снять рюкзак, открыть. Роемся в упаковке, достает коробку. «Га-га-га! Пацаны, приколитесь, во что новенький играет! А клизма тут есть?»

Лёшка так живо вообразил эту картину, что застыл и в него врезался прохожий.

Нет уж, надо ехать поездом, не может же Кондраш полдня шляться по вагонам. Приехать, сбежать с платформы, еще три минуты шагом-бегом по темной улице. Открыть калитку – и он в безопасном домике. Как в игре, только домик настоящий.

До метро даже черепашьим шагом идти десять минут. В гостях у папы Лёшка почти не ел. А тут из открытой двери кондитерской-пекарни призывно потянуло вкуснятиной, только что вынутой из печи. А еще в витрине стоял мешок с зерном и висел огромный бутафорский калач. Или даже настоящий. И было очень ярко.

Лёшка взглянул на мобильник – наручные часы в прошлом году намочил в речке. Решил посидеть внутри этого света и теплых ароматов минут двадцать. А после приступить к самой унылой части путешествия.

Взял горячую завитушку – продавщица предупредила: «Не обожгись!» – чашку чая, сел возле окна. По тротуару беспрерывно проходили люди, парами, одиночками, компаниями. За минуту – больше, чем за день по всей платформе на станции Мартышкино. Требовательно гудели машины на перекрестке, звенел трамвай, приказывая уступить дорогу. Булочка, должно быть, остыла, и можно откусить.

Лёшка откусил, опять взглянул в окно. И увидел двух мужчин, смотревших на витрину. Дяди были разными: один пожилой, в очках и в свитере, а другой – помоложе и в костюме. Не то чтобы Лёшка был большой знаток костюмов, но догадался: такой дядя обычно заходит в дорогое кафе или ресторан, а не в пекарню, пусть даже с самыми вкусными плюшками на свете. Странно.

Через секунду стало ясно – смотрят на него.

Один из мужчин даже показал на Лёшку, но не пальцем, а странным предметом вроде зажигалки.

«Что такого я сделал? – с удивлением, переходящим в панику, подумал Лёшка. – Ой, я ведь проехался «зайцем». Может, сейчас целая кампания по борьбе с безбилетниками? Я попал на камеру, мое фото разослали всем патрулям в форме и в штатском. Похоже, вычислили. На штраф-то хватит?» Между тем мужчины вошли в пекарню. Тот, что помоложе, в дорогом костюме, сказал Лёшке:

– Здравствуй. Меня зовут Игорь. А тебя?

– Алексей, – сказал Лёшка. И, спохватившись, добавил: – Мне запре... я не разговариваю с незнакомыми людьми на улице.

Подумал: «Вот бы сказать сегодня такое Кондрашу! Не, не прокатит: Кондраш, к сожалению, знакомый с первого сентября».

– Мы не на улице, а в кафе. Но я все равно не буду говорить с тобой без маминого разрешения, – улыбнулся Игорь. – Пожалуйста, скажи номер маминого телефона. Но перед этим ответь на один вопрос.

– Какой? – спросил Лёша.

Он заметил, что пожилой спутник Игоря подошел к прилавку. Наверное, был голоден. Или не мог устоять перед запахом свежих булочек.

– Ты бы хотел поучаствовать в интересном научном эксперименте? В таком не участвовал ни один мальчик в России. И даже во всем мире.

– А он опасный? – поинтересовался Лёшка.

– Наоборот. Ты будешь чувствовать себя еще безопасней, чем до эксперимента.

– Меня отправят в секретную лабораторию? – спросил Лёшка, не заметивший, что уже вступил в разговор с незнакомым взрослым. – Сейчас же учебный год.

А сам подумал: «Вот здорово! Две недели, может, даже месяц без школы, без Кондраша, без Мартышкина. Может, денег дадут за эксперимент... Впрочем, без мамы, без Катюши... Оно мне надо?»

– Нет, – улыбнулся Игорь, – ты будешь жить как обычно. Ходить в школу, играть в футбол, гулять с друзьями. Это не больничная палата, когда ты лежишь на койке и к тебе протянуты провода. Наоборот, у тебя должны быть приключения. Ты будешь гулять по городу, ходить на аттракционы, прыгнешь с парашютом. И при этом будешь в бóльшей безопасности, чем обычно.

Спутник Игоря тем временем присел за соседний столик с подносом и пакетом булочек.

– Не ел ничего с утра, – сказал он таким извиняющимся тоном, что Лёшка окончательно понял: это не маньяки, решившие похитить его и разобрать на органы.

– А почему я буду в безопасности? – спросил Лёшка.

– Подробности – только если твои родители согласятся, – ответил Игорь, протягивая Лёшке визитку с государственным флагом и гербом. – Позвони маме и дай мне телефон.

«Серьезное приключение», – подумал Лёшка, посмотрев на визитку с надписью: «Федеральное агентство по новейшим технологиям».

Он позвонил.

– Мам, привет. Со мной все в порядке. С тобой хочет поговорить Игорь Михайлович.

– Здравствуйте, Елена Юрьевна, – сказал представитель агентства...

* * *

«Наверное, это сон, – подумал Лёшка. – Впрочем, какой сон, я же еще не заснул».

Действительно, он лежал в кровати и еще не спал. На левой руке, отвыкшей от часов, был не жесткий, но все же ощутимый браслет. В ушах – динамики. На стуле, рядом с кроватью, очки и самая главная часть прибора – модуль.

Игорь Михайлович заставил Лёшку заучить и повторить условия контракта. Очки можно снимать на ночь. Наушники тоже, но динамики должны остаться в ухе. Модуль всегда рядом, отходить от него дальше, чем на шаг, нельзя. Браслет на руке – всегда. Кроме того, каждый день должно происходить приключение.

* * *

Игорь Михайлович оказался мастером уговоров. По телефону не повышал голоса, лишь иногда чуть нажимал. Постоянно повторял: «Вы правы, я согласен, я тоже бы удивился на вашем месте». После чего превращал каждое мамино «нет» в сомнение, а каждое сомнение – в согласие.

Наконец сказал:

– Вот и отлично. Скоро мы приедем с Алексеем. Вам привезти булочек из пекарни?

После чего подошел к прилавку, и продавщица сгребла в пакет половину подноса свежих плюшек и наполнила коробку пирожными с витрины. Лёшке показалось, что Игорь Михайлович даже не называл пирожные – указывал не глядя.

Протянул Лёшке один пакет, остальные понес сам.

Как только вышли из пекарни, Лёшка увидел автомобиль – черный, высокий, блестящий. «Как же он поедет в пробках?» – удивился Лёшка.

Машина была с шофером. Игорь Михайлович назвал адрес, сел рядом. Лёшка и его спутник, Иван Николаевич, разместились на заднем сиденье, таком широком, что еще бы сели двое. Иван Николаевич стал негромко рассказывать Лёшке что-то вроде сказки о принце из далекой

страны, для которого создали прибор-консультант, который должен подсказывать, советовать, иногда помогать...

Лёшка слушал, верил и не верил. Не верил, потому что очень уж все было сказочно. Верил, потому что если бывают такие чудные поездки, значит, возможны любые чудеса.

Машина не дрожала, не прыгала, даже переезжая трамвайные рельсы, будто плыла над дорогой. И обгоняла всех, а ее никто не обгонял. Лёшка не сразу понял, в чем дело, и лишь позже догадался – на крыше сверкала мигалка.

«Да уж, как принц путешествую, – подумал Лёшка. – Ни набитого метро, ни тусклой электрички. И никаких Кондрашей!»

Не заметил, как примчались. Мама стояла на крыльце. Хотела что-то сказать, но тут выскочила Катюша:

– Лёша приехал! А папа тоже?

– Нет... – вздохнул Лёшка, на миг забыв недавнюю сказку. – Зато я подарок привез.

– А я – пирожных, – сказал Игорь Михайлович, выходя из машины.

* * *

Дом в Мартышке был почти как квартира: две комнаты, кухня. Игорь Михайлович отказался от немедленного чая и опять проявил переговорное мастерство – убедил маму вручить папин подарок прямо сейчас. А потом уговорил Лёшку пойти с Катюшей в ее комнату и помочь распаковать набор, удостовериться, что все в порядке и безопасно.

– Вообще, по возрастной маркировке – шесть-плюс. Сколько нашей Кате? – спросил Игорь Михайлович. – Шесть? Это завтра шесть, а сегодня ей можно играть только под присмотром старшего брата. Завтра поиграешь одна. Лады?

Лёшка усмехнулся и, лишь войдя в комнату, понял: гости хотели поговорить с мамой наедине.

Между детской и кухней, где шли переговоры, был небольшой коридор, увы, с ужасно скрипучими половицами. Лёшка честно, как обещал, раскрыл коробку, назначил себя директором больницы и осмотрел каждую принадлежность юного врача, перед тем как передать сестренке.

Потом велел Катюшке надеть белое платьице, повязать на рот марлевую повязку и устроить внеплановый экстренный медосмотр кукол, в связи с осенней эпидемией гриппа. Катюша потребовала, чтобы директор присутствовал при осмотре. Лёшка нашел в этом плюс: сначала сходил на кухню за банкой с водой – умыться куклам, другой раз за полотенцем – куклам вытираться.

Когда заглянул за банкой, услышал удивленные мамины слова:

– Но я надеюсь, в очках ему спать не придется?

– Не придется, – успокоил Игорь Михайлович, – но вставать с кровати Алексей должен уже в очках.

Когда заглянул за полотенцем, услышал:

– Это за весь эксперимент?

– Нет, Елена Юрьевна, – ответил гость, и Лёшке показалось, что тот улыбнулся, – это за один день. Не удивляйтесь, наши заказчики очень обеспеченные люди...

Разговор прервался, Лёшку попросили поскорее отнести полотенце, пока куклы не простудились. «Говорили о деньгах, – понял он, – хорошо, если побольше дадут, – маме сейчас нужно».

Вернулся к Катюше, пролил на пол немножко воды из банки и отправился на кухню за тряпкой. Но дверь была плотно прикрыта. Встал рядом. Казалось, будто половицы скрипят сами по себе.

– А чтобы вы окончательно убедились, что это не розыгрыш, я могу прямо сейчас установить видеосвязь с Министерством иностранных дел, и вы поговорите с замом начальника Департамента по Ближнему Востоку. Это вас убедит?

Дверь внезапно отворилась, и Игорь Михайлович подмигнул Лёшке:

– Приключения начнутся чуть позже. Иди к сестренке и вакцинируй кукол.

Лёшка вздохнул, пошел в детскую. Так и не узнал, поговорила мама с высоким чином из МИДа или нет.

Медосмотр продолжался еще минут двадцать. Потом в детскую постучали. На пороге стояла мама, смущенно улыбающаяся. И Игорь Михайлович, улыбающийся во весь рот.

– Больные ложатся в кровать, здоровые идут домой, а персонал больницы приглашается к праздничному столу, – сказал он.

* * *

Чаепитие с пирожными и плюшками длилось долго и напоминало семейный ужин. Правда, Катюша спросила: будет ли папа? Игорь Михайлович сказал, что папа в командировке. Мама серьезно и сердито поглядела на гостя, а тот кивнул маме с грустным, извиняющимся видом и улыбнулся Катюше.

Потом сестренка отправилась спать. Мама ее проводила, вернулась через пять минут. За это время со стола были убраны пирожные и сметены крошки от плюшек. А еще Игорь Михайлович протянул Лёшке толстый конверт.

– Мама обязательно будет выдавать тебе карманные, но это – резерв, на всякий случай. Ты ведь у нас принц, хотя и на неделю.

– Так вы договорились? – спросил Лёшка.

Игорь Михайлович опять улыбнулся.

Когда вошла мама, на столе лежало несколько предметов, а также обычный планшет.

– Вот это, – мама кивнула на браслет и усмехнулась, – напоминает мне чудодейственные «браслеты здоровья».

– И хорошо. Пусть тот, кто посмотрит на Лёшу, думает, что на нем именно «браслет здоровья», – сказал Игорь Михайлович. – На самом деле это шедевры электронной миниатюризации.

– Начинка-то наша? – спросила мама.

Иван Николаевич начал было отвечать – «частично наша...», но Игорь Михайлович его перебил:

– Начинка не только наша. Но наши сделали главную работу. В Японии и Израиле изготовили блоху, а у нас ее подковали.

Лёшка читал про Левшу, подковавшего блоху, поэтому спросил:

– А прыгать она будет?

– Будет, – сказал представитель заказчика. – Не существует невыполнимых задач – существуют неправильно поставленные условия. Закатай рукав на левой руке.

Лёшка так и сделал. Игорь Михайлович защелкнул браслет. Лёшка почти ничего не почувствовал. Не почувствовал и тогда, когда мама помогла надеть наушники. Динамики внутри ушей ощущались, как будто туда залетел комарик и оставил свое крылышко. Очки были как обычные пляжные очки, только чуть тяжелее.

– Теперь мы активизируем главный модуль, – продолжил Игорь Михайлович уже не шутивным, а очень серьезным тоном.

Настроение передалось Лёшке. Он подумал: «Не ударит ли сейчас ток?» Даже сжался и зажмурился.

Нет, не ударило. Вообще ничего не произошло.

– Он работает? – шепотом спросил Лёшка, открыв глаза. – Ничего не слышу.

– Потому что ты ничего не делаешь, – ответил Игорь Михайлович. – Коснись электронагревателя.

Лёшка осторожно протянул руку...

– Приятель, тебе нужен относительно безвредный, но о-о-очень болезненный ожог, площадью в шесть квадратных сантиметров? Температура поверхности, которую ты хочешь пощипать, – семьдесят градусов Цельсия.

Голос был бодрый, насмешливый и дружеский. Не грубый, не занудный. И очень отчетливый – будто артист говорит прямо в ухо. Не шепчет, именно говорит.

– Ожог не нужен, – почему-то шепотом ответил Лёшка. – Правда, семьдесят?

– Не веришь – коснись ногтем мизинца. – Голос стал чуть обиженным. Как и положено, когда не поверили другу. – Коснулся? Молодец! Я не врал?

– Не врал, – подтвердил Лёшка.

– Ты слышал? – быстро спросил Игорь Михайлович.

– Да. Но почему он...

– Почему не говорит, как робот в кино? Или как диспетчер на вокзале? Потому что это друг. Конечно, он мог бы и крикнуть, если бы ты потянулся быстро. Как тебе такой помощник?

– Здорово, – растерянно ответил Лёшка.

– Вот и отлично. Мы объяснили маме основной принцип работы комплекса, а тебе, пока мы ехали, рассказал Иван Николаевич.

– А для чего мне планшет? – спросил Лёшка. – У меня свой есть.

– Планшет для мамы, – ответил Игорь Михайлович. – Она может в любой момент узнать, где ты находишься. Этот гаджет понравился Елене Юрьевне больше остальных. Кстати, мы тоже будем знать.

Лёшке это не понравилось. Значит, его будут видеть?

Он спросил:

– А подслушивать будете?

Игорь Михайлович покачал головой, ответил с коротким промедлением:

– Мы не будем слышать то, что ты говоришь.

– А мама? – уточнил Лёшка.

– Мама будет только знать, где ты находишься. – На этот раз представитель заказчика говорил быстрее.

– И кстати, – сказал Иван Николаевич, – если бы ты был космонавтом, тебя контролировали бы точно так же. Работает, ешь, спишь, а тебя видят в Центре управления полетом. Но твой полет продолжится только десять дней.

Лёшка оглядывался по сторонам, стараясь поверить в происходящее. Наконец спросил:

– А что требуется от меня?

– Разве мы не сказали? – улыбнулся Игорь Михайлович. – Всё, как обычно. Ходишь в школу, гуляешь с друзьями после школы...

– У меня нет друзей, – заметил Лёшка. Хотел добавить «здесь», но не успел.

– Предупреждать надо, – сказал Игорь Михайлович, чуть нахмурившись. – Тогда найди друзей, гуляй с ними по парку, ходи на аттракционы, попадай в приключения!

– В какие? – тоже нахмурилась мама.

– В обычные приключения для своего возраста. А МИК сделает их безопасными. Может, даже подскажет. Елена Юрьевна, не волнуйтесь. Прокатиться на крыше поезда или переплыть залив в бурю на байдарке МИК не посоветует никогда. Наоборот, отговорит от этой идеи. Главное, чтобы Лёша не сидел дома. Иван Николаевич, допивайте чай. Мне утром надо быть в Москве.

– А контракт? – спросил Лёшка.

– Мама уже подписала, – сказал Игорь Михайлович.

* * *

«Если это не сон, то, может, шутка? – думал Лёшка. – Что же мне делать? Заснуть, потом проснуться. Но сначала надо заснуть... Заснуть...»

Заснул.

Глава 3

Полтонны взрывчатки и забытый подпункт

Сон у Лёшки был глубокий, крепкий, без сновидений. А под утро запели райские птички. Может, и не райские, но пели очень приятными и веселыми голосами. Одна беда – с каждой секундой всё громче и громче.

А еще кто-то начал дергать за запястье. Лёшка не сразу понял, что это вибрирует и чуть сжимается браслет на левой руке. А в ушах поют динамики. Этаким комплексный будильник.

– Проснулся? – раздался знакомый голос.

– Ну да, – ответил Лёшка, – сколько времени?

– Семь утра, – сообщил голос. – Не хочешь ли сделать пробежку? Ты здоров, до школы почти два часа, а пробежка очень интересное и полезное приключение.

«С чего это МИК решил, что мне нужны пробежки?.. – вздохнул Лёшка. – А-а-а, я вчера, когда прощался с Игорем Михайловичем, сказал, что иногда бегаю по утрам. А эта электронная зараза услышала».

Если бы вместо «электронной заразы» был обычный будильник, Лёшка стукнул бы его кулаком и заснул снова. Но сейчас стало интересно, как его друг будет помогать на бегу?

Все же решил схитрить.

– Вот только как найти треники? – прошептал он. – Зажигать свет, будить Катюшу?

Ждал саркастической реплики. Вместо этого от стула, на котором лежал модуль, протянулся тоненький столбик света. Прогулялся по полкам открытого одежного шкафа и остановился на второй снизу.

– Ух ты! – сказал Лёшка. – Как это ты?

– Не разбуди Катюшу, – попросил голос. – Вечером я немного изучил комнату и запомнил, какую вещь ты куда запихал.

– Но я же не включал свет, – удивился Лёшка.

Голос стал немного обиженным:

– Я могу видеть и в канализационной трубе, без фонарика. Кстати, интересное приключение, можно залезть. Крышку поднимаешь ты.

– Интересное приключение! – проворчал Лёшка, уже надевший треники и решивший найти носки сам. – Залезь в канализацию, открой ему крышку, вычисти трубу курткой изнутри.

МИК тихо и душевно присвистнул. Понимай как хочешь: то ли – «я согласен!», то ли – «не занудствуй!».

Лёшка надел футболку, сунулся за рубашкой...

– Забортная температура плюс семь по Цельсию и не капает, – сообщил МИК. – Если не планируешь ползти черепахой, куртейки сверху достаточно.

– Ты уже побывал за бортом? – спросил Лёшка, пытавшийся натянуть зашнурованную кроссовку.

– Я знаю текущую температуру в Москве, Новосибирске, Кейптауне и Монреале. Пошли, пока сестренка не проснулась.

Лёшка победил кроссовку и на цыпочках вышел в коридор. Это не помешало половицам устроить привычный концерт. Из своей комнаты выглянула мама, уже одетая.

– Решил пробежаться? – зевнула она. – Правильно. Мне вчера так и сказали: больше спорта и прогулок. И вообще, побольше бывать на улице.

Лёшка заметил, что мама одета.

– Ты вообще не спала?

– Нет, рано встала. Тревожно чуть-чуть. Я ведь бухгалтер, у меня чутье на мошенничество. Вроде все чисто. Все равно тревожно...

«Потому что сдала меня в аренду на эксперимент», – подумал Лёшка.

Устыдился этой мысли, чмокнул маму и выскочил на крыльцо.

Было безветренно и ясно, что для октября в окрестностях Питера редкость. Лёшка все равно сказал «брр!» – давно не выходил так рано.

– Насчет безопасности, – уточнил он, направляясь к калитке, – ты ее прогнозируешь?

– Предупреждаю о степени, – ответил МИК, – по шкале от десяти до единицы. Сообщаю, в чем опасность и как избежать.

– Ну, например, десятка, – заинтересовался Лёшка.

– Мелкий дождь – угроза для здоровья. К Земле приближается метеорит, который войдет в атмосферу над европейской частью России.

– А восьмерка?

– Ветер с дождем. Во Всеволожском районе бродит пьяный дурак с пистолетом, целится в прохожих и думает, что пистолет не заряжен.

Лёшка уже вышел за калитку, но приостановился, гадая, сколько отсюда до Всеволожского района. Километров пятьдесят, не меньше.

– Двойка?

– Ураган вырывает деревья. Дурак с пистолетом идет по этой улице и стреляет во всех, кого увидит.

– Единица?

– Столетний дуб падает на тебя. Вместо дурака – киллер, и его мишень – ты, – сказал МИК.

В электронный голос врезался короткий тревожный писк.

– Да, кстати, зафиксирована опасность девятого уровня – незначительное охлаждение организма. Не хочешь соплей – беги!

Лёшка не стал спорить и побежал. Сразу же вспомнил, что не взял плеер. Как же быть? Теперь у него другие наушники.

Спросил, есть ли у МИКа правильный музон? Тот хвастливо ответил: есть любой – от легального до пиратского, от классического до этнического, от идеально-студийного до уникальных треков на испорченной аппаратуре. Лёшка выбрал популярный трек-лист бегунов Канады. Просто в эту минуту на пути попался клен с опадающей листвой.

* * *

– Куда бежим? – спросил Лёшка.

МИК ответил:

– Тут же недалеко берег моря, побежали к нему.

Лёшка проворчал, что не моря, а Финского залива.

Сначала перебежал мост над путями, огибая медленных пассажиров. Спросил МИКа:

– Это опасность какого уровня?

– Десятого. Обрушение моста из-за дряхлости конструкций, – ответил МИК, – не предвидится в ближайшие пятьдесят лет, за исключением случаев прямого взрывного воздействия.

– А перебежать по путям?

– Третьего.

– Тут один такой перебегал... Не добежал!.. – сердито сказала старушка с тяжелой сумкой на колесиках.

Она медленно спускалась по лестнице, так как колесики не попадали в желобки схода.

– Может, ей помочь? – обратился Лёшка к МИКу.

– Помочь, – согласилась старушка.

МИК не ответил, Лёшка взял сумку – ух какую тяжелую! – побрел вниз, на платформу. Отнес бы быстро, но бабушка взяла его за рукав – верно, чтобы с сумкой не убежал. Спустился за две минуты с бабушкой на буксире.

– Спасибо, сынок. Будь осторожен, – сказала она на платформе.

– Молодец! – согласился МИК. – Силовое дополнение к пробежке. А сейчас еще и ускоренный подъем по лестнице. Быстро! И дышать носом!

Лёшка, не ожидавший от электронного друга такой команды, рванул вверх и чуть не сбил другую старушку, готовую спуститься. Старушка, к счастью, была без тяжелой сумки.

* * *

Лёшка понял, что до сих пор не видел Мартышкино. В школу он шел сонный, плюс не ждал от школы ничего хорошего. Обратное – за чьей-то спиной, тоже по сторонам не помотришь.

Сейчас он разглядел поселок в первых солнечных лучах. Конечно, почти все участки обнесены высоченными заборами, но и через забор что-нибудь да увидишь. Одни участки заброшены – поросли пожухлых трав, разросшиеся смородиновые кусты. Другие напоминали небольшие ухоженные парки. А встречались даже изящные кованые решетки, и тут уж можно всё разглядеть: цветники, дорожки с гравием, последние яблоки, одиноко висевшие среди голых веток.

На одном из таких участков Лёшку облаяла собака, коротко и громко. Едва отбежал – затихла.

– Злая, но дрессированная, – сообщил МИК. – Восьмой уровень.

– Она же за забором, на цепи, – удивился Лёшка, вдохнув ртом. – В чем опасность?

– Ну, если бы ты в порядке приключения просунул руку за решетку, в зоне доступности! – насмешливо сообщил МИК. – Но я предупредил бы тебя, что уровень становится вторым.

Грянул захлебывающийся лай из-за высоченного деревянного забора с облупившейся краской. Пес возмущенно тосковал: рядом бежит человек, а не укусить.

– Какой уровень? – чуть запыхавшись, спросил Лёшка.

– Пятый, – сказал МИК. – Пес злой, не дрессированный. Если сорвется, уровень станет вторым, а то и первым. Эй, ты расслабился! Восемь в час не годится. Поднять до девяти!

Кроме лая слышался грохот цепи. Лёшка решил не проверять ее на прочность и, ускорившись, свернул за угол.

– Десять, – удовлетворенно заметил МИК, и Лёшка понял – это не опасность, а скорость. – Держи до угла, там отдохнешь.

Лёшка чуть прикусил губу и промчал всю улицу, удерживая темп. В груди стало горячо, улица казалась бесконечной.

– Теперь медленно сбавляем, – разрешил МИК.

На уменьшенной скорости можно было поглазеть по сторонам.

– Красивый домик, вот тот, второй, – сказал Лёшка.

– Мавританский стиль, – пояснил МИК. – Авторский проект.

– Ты и в архитектуре разбираешься?! – восхитился Лёшка.

– Во всем, – похвастал электронный друг. – В финансах тоже разбираюсь. Хозяин мавританского особняка имеет большие, но разовые доходы. Центральную часть дома он построил на три года раньше, чем левое крыло. Она уже просела. У хозяина дома напротив, наискосок, ровный доход. Он построил особняк сразу, а не по частям.

– А стиль?

– Типовая скандинавская модель загородного домика.

За такими разговорами Лёшка поднялся на горку. Немного постоял, поглядел на залив. Давно не было такого ясного дня. Отчетливо виден и Кронштадт с высоким куполом Морского собора, и северный берег, где Сестрорецк и длинная полоса песчаных пляжей, заросших соснами. Лёшка посмотрел и на ближайший, южный топкий берег. В очередной раз удивился: почему цари строили дворцы, парки и фонтаны именно на нем?

Сам берег зарос камышами. Левее, к Ораниенбауму – огромная катерная стоянка, напоминавшая небольшой порт.

– Мы планируем опоздать в школу? – спросил МИК.

Лёшка ответил, что нет. На обратном пути его друг пару раз прогнозировал опасность от автомобилей, ехавших навстречу, по узким улицам. Первый раз дал десятку: водитель был профессионал и двигался медленно, а второй раз семерку – ехал быстро и неуверенно.

МИК сменил трек-лист: теперь в ушах стрекотал боевой танец аборигенов Амазонки. Под эту музыку было легко бежать даже в гору, а Лёшка мчался с горы.

* * *

Лёшка возвращался из школы, не пытаясь пристроиться за чью-нибудь спину. Настроение неплохое, и с Кондрашом уже встретился.

В дневнике впервые появились пятерки. В этой поселковой школе старались двойки не ставить, но и на пятерки были не щедры. Лёшка получал четверки за диктанты и контрольные, а когда вызывали к доске, маялся до тройки.

На этот раз отвечал бодро. МИК подсказывал четко и безошибочно – только отвечай и записывай. «Этот принц совсем неучем вырастет, если МИК будет за него учиться», – думал Лёшка. Правда, на алгебре справился почти сам, МИК только не позволил ему запнуться в начале ответа. Потом даже и не подсказывал.

Последним уроком была физкультура. Почти весь урок играли в футбол. Лёшка, ко всеобщему удивлению, вышел на поле в очках. Мальчишки удивились еще больше, когда поняли, что новичок в очках играет лучше, чем без них.

– Прямо – кочка. Влево! – командовал МИК.

– Вперед! Ноги! – это значило, что его хотят ударить по ногам.

– Бей!

В самом начале Лёшка так и сделал и забил гол, потому что от него этого никто не ожидал. Пробовал и в конце. Но вратарь уже настроился на нового форварда. Закончилось ничьей.

– Чего-то, Клим, ты сегодня в ударе, – с легким уважением заметил Терентьев.

Лёшка, по совету МИКа, заметил, что так играть для него норма. Сам же, отойдя от раздевалки, шепотом пожаловался другу:

– Жаль, что ты сам в футбол не играешь.

– Когда нужно ударить, я подскажу. Но ударить должен ты, – заметил МИК.

Вот тут-то и встретился Кондраш. Внимательно поглядел на Лёшку, усмехнулся:

– С обновкой! Знаешь, что для очкариков особый тариф?

– Какой? – спросил Лёшка, не дожидаясь подсказки МИКа.

– Двойной. У тебя же четыре глаза. Да ты расслабься! Сегодня суббота, а я сказал – до понедельника живи спокойно. Мое слово реально. Гуляй.

И удалился.

Лёшка пожалел, что в комплекте к прибору нет мощного автоматизированного кулака. Лучше всего с мысленным управлением. Только захотел – и рраз! Лежит Кондраш возле забора, на мягком и уютном ковре из свежих листьев.

Нет такого кулака. Зато теперь можно спокойно идти домой, забыв о Кондраше. И никуда не торопиться. День, как по заказу, был ярким и теплым. Будто август пришел в гости к октябрю.

* * *

- Что скажешь про эту опасность? – спросил Лёшка, убедившись, что рядом никого нет.
- Восьмерка. Нападать не собирался. Сейчас, – уточнил МИК.
- А что вообще про него скажешь?

МИК замолчал, как человек, который задумался. Лёшка уже привык к таким отсрочкам. Хорошо, что их не было, когда вызывали к доске.

- Он сильный, осторожный и что-то скрывает, – наконец сказал МИК.
- Ну да, скрывает, что трясет деньги! – зло хохотнул Лёшка.
- Не только это, – ответил МИК. – Имя, фамилия?

Лёшка назвал, МИК обещал выяснить и ответить, как только Лёшка напомним.

* * *

Напомнить в этот вечер не удалось. На следующем перекрестке МИК буднично заявил:

- За забором опасность пятого уровня.
- Какая?
- Полтонны взрывчатки.

Лёшка замер на месте, хотя по уму надо бы бежать подальше и поскорее.

- Ты ее вынюхал, как собака? Там склад у террористов? Почему только пятый уровень?

Тотчас же вспомнил слова Полины, что если три вопроса заданы подряд, ответить можно на один. Ну почему он не узнал ее телефон? Или хотя бы фами... Не, фамилию она сказала. Сергеева?

Семёнова? Севастьянова? Да, Севастьянова. Тогда можно поискать в ВКонтakte. Ладно, потом поищет. Сейчас надо понять, что там за взрывчатка.

К счастью, МИК не знал правило одного вопроса и ответил на все три. Правда, с коротким промедлением – Лёшка успел вспотеть.

– Предположил по внешним признакам. Это не склад – это авиабомба. Пятый уровень опасности, потому что детонация объекта возможна только в случае прямого механического воздействия на оболочку, а ты ее осуществить не в состоянии. Кто-нибудь другой подорвать бомбу прямо сейчас тоже не может.

Лёшка только успел вздохнуть, как увидел этого «другого» – траншейную машину, за два дома до места, где, по мнению МИКа, таилась бомба. Сейчас техника отдыхала. Но, судя по свежему грунту, могла возобновить работу в любой момент.

- Если эта штука будет копать траншеей дальше, то заденет бомбу? – спросил Лёшка.

– Если ты в этот момент будешь стоять на этом месте, то возникнет опасность минус первого уровня, и ты ничего не сможешь сделать, чтобы ее избежать, – равнодушно сказал электронный друг.

«Проще говоря, разнесет меня в клочки, вместе с забором и ближайшей березой», – подумал Лёшка.

Еще подумал: «МИКа не интересуют опасности, не связанные с ним, Лёшкой. И что такое „опасность минус первого уровня“? Даже клочка не останется?»

Но сейчас его интересовала бомба.

– Так что же делать?

– Уходить отсюда, – ответил МИК.

– Я здесь ночевать не собирался, – проворчал Лёшка. – Мы уйдем, эта штука будет дальше рыть, пока не рванет. Может... Может, надо в полицию обратиться? – неуверенно добавил он.

В доме, в Мартышкине, был книжный шкаф, оставленный прежним хозяином, а в нем – полка с фантастикой. Лёшка не раз брал почитать старые, потрепанные книги. В них рассказывалось, как думают роботы, столкнувшиеся с непредвиденной проблемой, – нагреваются, дрожат. «Казалось, электрический мозг сейчас взорвется», – вспомнилась стандартная фраза.

Нет, МИК, точнее, модуль взрываться не собирался. Он даже не нагревался и не дрожал. Все равно Лёшке показалось, что МИК напрягается, думая, как ответить. И не может сразу сообразить.

Наконец сказал уверенным дружелюбным тоном:

– Не забывай про шестой пункт контракта.

– Шестой? – переспросил Лёшка. – А чего там было?

– «Чего было», «чего было»! – МИК явно решил покуражиться. – Ты хотя бы на уроках записываешь? Точно не записываешь, если по алгебре впервые пятерку получил.

«Откуда он знает? – нахмурился Лёшка. – А, Вероника Евгеньевна сказала, когда ставила отметку».

– И не впервые, а впервые в этой школе, – уточнил Лёшка. – Что в этом шестом пункте?

Голос МИКа стал отчетливым и механическим. Действительно, робот из фильма или дежурная на вокзале.

– «Пользователь-испытатель обязуется обеспечивать безопасность эксперимента и не информировать о его проведении любых лиц, не упомянутых в настоящем договоре».

Договор Лёшка, кстати, читал. Даже вспомнил «упомянутых лиц». Он, естественно, мама. Как представитель – этот ученый Иван Николаевич, этот менеджер Игорь Михайлович. И еще один технический сотрудник, по имени Денис.

– А теперь подумай, – сказал МИК прежним, дружелюбно-насмешливым, голосом, – как ты объяснишь полиции, откуда узнал о бомбе?

– А откуда о ней узнал ты? Говорил про какие-то признаки...

На этот раз МИК ответил сразу:

– Изменился рельеф. Вмятина в месте падения повторяет контуры авиабомбы. На этом месте ничего не строили, вмятина как была, так и осталась.

Лёшка огляделся. Ветеран боевых действий, наверное, понял бы, где тут падала бомба, а где снаряд. Да еще не взорвалась. Лёшка не ветеран.

Все равно сказал неуверенным тоном:

– Я бы объяснил, что изучал историю, интересовался тем, что тут было в войну. И догадался.

– Я бы тебе не поверил, – сказал МИК. Тон был не насмешливый, а сочувственный.

Донесся скрип двери. На крылечко дома вышла бабушка, медленно нагнулась, поставила на пол миску:

– Снежок! Кис-кис-кис! Хватит воробьев ловить, смотри, что я принесла.

Снежок, совсем не белоснежный, скорее, серый кот, выскочил из-за кустов и, промчавшись над газоном, где таилась авиабомба, взлетел на крыльцо. Сунул морду в миску, недо-

вольно посмотрел на хозяйку. Но, решив, что это перспективнее, чем непойманный воробей, начал есть.

– Так что же делать? – в легком отчаянии спросил Лёшка.

– Напиши письмо в полицию, – посоветовал МИК. – Они обязаны отреагировать.

Лёшка повеселел. Только сейчас понял: он боялся, что МИК согласится и придется звонить в полицию. Он и с продавщицами-то общаться не любил, и с контролершами стеснялся. А тут – настоящий полицейский, который ездит на машине с мигалкой и может тебя арестовать. Он, Лёшка, так испугается, что, если полицейский спросит: «Не сам ли ты эту бомбу закопал?» – ответит: «Да». Ведь «да» ответить проще всего.

Вспомнил, что бомба весит полтонны. Представил, как тащит закапывать, засмеялся.

– Если я говорю глупости, – сказал МИК серьезным тоном, как обиженный человек, – то придумай что-нибудь умнее.

Лёшка уверил электронного друга, что смеется не над ним, и вообще, он здорово придумал.

– Тогда пошли. Твой эмоциональный фон вернулся в норму, зато организм начал охлаждаться. Простуда – плохое приключение.

Действительно, утреннее солнышко затянули облака. Да еще позвонила мама, спросила, почему он так долго стоит на этом углу, может, напали хулиганы? Лёшка успокоил маму и вприпрыжку направился домой.

* * *

Дома выяснилось, что мама наблюдала за Лёшкой не только после школы, но еще и утром. Когда Лёшка зашел на кухню, красная точка на мониторе совместилась с красным квадратиком.

– Я научилась изменять масштаб, – похвасталась мама. – То делаю карту маленькой...

Мама кликнула мышкой. На экране появился план поселка – такой сжатый, что виден и Петергоф, и залив, и даже уголок Кронштадта. Точка полностью слилась с квадратиком.

– ...то большой, – продолжила мама.

Теперь на экране был только участок с планом домика. На этот раз красная точка оказалась чуть-чуть в стороне от квадратика. Лёшка положил руку на ноутбук – точка и квадрат слились.

– Хватит играть, – улыбнулась мама, – мой руки и обедать.

– Лёша, ты почему на том углу задержался? Там была собачка? – спросила Катюша.

Катюшка совсем не боялась собак. Если встречала на улице собаку, то старалась ее погладить и потискать. Если собака гавкала за забором, Катюшка никогда не позволяла брату себя увести, пока он не скажет, что это за порода.

– Нет, просто дом прикольный. Как будто восточный дворец. Это...

– Мавританский стиль, – подсказал МИК.

– Мавританский стиль. Башенки высокие, с окнами, будто в них принцессы живут.

Катюшка вздохнула. Дворцы с принцессами она видела в книжках и мультиках. Собака – куда интереснее.

Лёшка заторопился в ванную. Еще дождется, что мама начнет допытываться, почему он так долго глазел на мавританский стиль. Придется врать и дальше, а правду говорить нельзя: мама очень боится военных находок, оставшихся с войны. Ее брат в школе бросил с ребятами мину в костер, хорошо, лишь оглох.

«Еще и Катюшка будет подглядывать», – печально подумал Лёшка, споласкивая руки под бьющей струей. Потянулся к полотенцу...

– В раковину утекло двадцать процентов вредоносных бактерий, угнездившихся на твоих ладонях и запястьях, – вежливым, но издевательским голосом сообщил МИК. – Ты лапал мяч, когда бил штрафной, ты хватался руками за траву, а сейчас почему-то решил только смочить пальчики.

– Ты проанализировал мои руки? – изумился Лёшка. – Точно осталось восемьдесят процентов бактерий, а не семьдесят семь?

– Нет, я предположил. Если я скажу, что ты смыл четверть бактерий, тебе станет легче? – столь же ехидно спросил МИК.

– Может, ты рекламируешь жидкое мыло? – проворчал Лёшка.

МИК проигнорировал такое обидное предположение. Поэтому Лёшка вздохнул, мысленно похвалил папу за настоящий водопровод в загородном домике, выдал на ладони увесистую пригоршню жидкого мыла, ожесточенно растер, смыл грязноватые струйки и лишь после этого потянулся к полотенцу. Но тут же передумал и заодно вымыл лицо, сняв очки.

– Молодчина! – одобрил МИК. – Сейчас все твои ручные бактерии плывут на очистную станцию и стонут: «Что за Всемирный потоп?!»

– Молчи, пока я их жалеть не начал... – вздохнул Лёшка.

* * *

После обеда Лёшка остался дома. Из-за пробежки побаливали ноги, идти никуда не надо, да и стемнеет скоро. Мама наконец-то включила телевизор. Перед этим сказала: «Хорошо, что ты рядом, можно не наблюдать».

«Она что, так и будет десять дней сидеть с планшетом, пока эксперимент не окончится? – подумал Лёшка. – Еще ей понравится за мной подсматривать. Потратит все деньги, которые получила, чтобы купить мне обычный родительский браслет. Впрочем, зачем? Я и прежде почти не гулял».

По привычке прилег на диван, взял планшет, стал строить пирамидки...

– Ты знаешь, что прокрастинация является хронической и неизлечимой болезнью? – с искренним сочувствием спросил МИК.

– Про... Прокра... Кто кого прокрал? – шепотом спросил удивленный Лёшка.

– Прокрастинация, – пояснил МИК, – откладывание важных дел на потом, воровство собственного времени. Тебе задали «домашку»?

Лёшка кивнул, но продолжил. И тут на экране планшета поверх игры закачалась надпись: **КОНЧИЛ ДЕЛО – ИГРАЙ СМЕЛО!**

Очередная пирамидка пролетела мимо цели и распалась на облако разноцветных шариков, а те растворились мыльными пузырями.

– Ну вот!.. – с энтузиазмом сказал МИК. – А знаешь ли ты, как это здорово – играть, когда «домашка» уже сделана? Честное слово, это удовольствие совсем другого вкуса!

– Ты что, к моему планшету подключился? – спросил Лёшка.

– Ну да, – чуть виноватым тоном признался МИК. – Зато потом сможем как следует прогуляться в Интернете. А сначала лекция про прокрастинацию.

– Ты к принцу тоже будешь приставать с этой прокрой в его колледже?.. – вздохнул Лёшка.

– Еще не решил, – ответил МИК и добавил добрым, наивным тоном: – Я на тебе тренируюсь. В общем, слушай. Прокрастинация – это...

«На ком тренироваться, если не на подопытном кролике?» – печально подумал Лёшка.

Что такое прокрастинация, он уже понял, попросил МИКа замолчать и взялся за «домашку».

Иногда спрашивал подсказки. Думал, прибор начнет занудствовать: мол, шевели мозгами, вспоминай! Нет, МИК был и калькулятором, и словарем и даже в примерах помогал.

Лёшка окончил «домашку» и задумался. Надо было сделать что-то еще. Что? И вспомнил авиабомбу. Он же хотел написать письмо в полицию.

– МИК, ты чего не напомнил? – упрекнул Лёшка электронного друга.

– Так ты же не просил, – беспечно ответил МИК.

Лёшка неодобрительно покачал головой. Про «домашку» напомнил. Про пробежку – тоже.

А тут – забыл. Видимо, ему эта идея не нравилась.

Стал сочинять и мучиться. С первой строчкой воевал чуть не полчаса. «Уважаемая полиция...» «Уважаемая полиция Мартышки...» «Уважаемый дежурный...» МИК не помогал, напротив, хихикал, подсказывал шутилки. «Уважаемая полиция и вся королевская рать». «Уважаемая полиция – вы мартышки». «Уважаемый дежурный, недавно контуженный урной». Уж на что Лёшка был тихоней, но если бы так мешал приятель, давно шарахнул бы его подушкой. А может, и табуретом. Пару раз хватал себя за уши – вырвать динамики.

МИК тотчас же извинялся, да таким искренним тоном, что Лёшка махал рукой и возвращался к письму.

Наконец просто написал: «Здравствуйте».

Дальше стало еще труднее. Надо было объяснить, как он узнал, что в земле – бомба.

«Я много изучал историю Великой Отечественной войны и знаю, как выглядят следы незорвавшихся авиабомб».

– Правда, много изучал? – спросил МИК.

«Он что, стал читать мысли?» – испугался Лёшка. Но тут же сообразил: эти слова написаны на листе бумаги, МИК прочел их через очки.

– Вообще-то мало, – признался Лёшка. – Расскажи, какие тут были сражения?

МИК без всяких шуточек, а, напротив, дельным тоном начал рассказ. Лёшка узнал, что, оказывается, Ораниенбаум немцы не захватили.

И Мартышкино тоже. Территорию, примыкавшую к Финскому заливу, обороняли батареи форта Красная горка и корабельные пушки Балтийского флота. Три года враг не мог ничего поделывать с этим клочком земли, несмотря на превосходство в самолетах и танках. Как в старину, все решили пушки, потому что они были очень больших калибров. Потом, в 1944 году, с Ораниенбаумского плацдарма наши войска ударили в тыл фашистам и окончательно прорвали блокаду.

МИК рассказывал и показывал. На экране появлялись черно-белые фото кораблей и огромных береговых орудий. Снаряды, которыми они стреляли, руками было не поднять, можно было только подкатить к орудью на специальной тележке. МИК показал карту линии фронта. Оказывается, передний край проходил недалеко, между Мартышкином и Старым Петергофом. Понятно, почему здесь падали бомбы.

– И все же, как я смог догадаться? – подумал вслух Лёшка.

На планшете появились новые фото, уже современные, цветные. На них работали саперы, выкапывали из земли боеприпасы. Были и рисунки-схемы: мины и снаряды в глубине, техника для разминирования.

– Здорово! – сказал Лёшка. – Ты это все в Интернете нашел?

– Конечно, – ответил МИК и добавил без всякой скромности: – Я не просто супер-консультант – я супер-хакер. Для меня закрытых ресурсов не существует.

– Здорово! – повторил Лёшка. – Только я ничего не понял.

– Напиши просто: «Судя по почве, в ней авиабомба». Будешь писать подробней – запутаешься. И не надо подписываться. Анонимку про взрывчатку проверят обязательно.

Лёшка уже приготовился дописать. Вспомнил, что не хватает адреса.

– МИК, скажи, где это было?

– Можешь сам посмотреть по номерам домов.

– Но я не запомнил. И не фоткнул на мобильник. А идти сейчас, смотреть – поздновато, – с грустью заметил Лёшка. И идея прогулки в темноте ему не нравилась.

Казалось, электронный друг хихикнул.

– Зато я снял. Смотри.

Уже через секунду на планшете замигал файл. Лёшка открыл его во весь экран. Увидел утреннюю комнату, коридор, крыльцо. Правда, на крыльце возникла заминка. Лёшка вспомнил, как выбежал из дома и остановился, а МИК перечислял ему различные степени опасности.

– Можно пропустить? – спросил Лёшка.

– Можно. Включай с любой минуты.

Лёшка продвинул курсор на две трети, включил...

«...У тебя же четыре глаза... Расслабься! Сегодня суббота, а я сказал – до понедельника живи спокойно...»

– Лёшка, это кто?

Кролик, которому внезапно врубили фильм про удава, да еще в 3D формате, обязательно впадет в ступор. Впал и Лёшка, увидев свою главную школьную проблему. Пока нажимал «стоп», подошла Катюша – в ее больнице был тихий час.

– Этот? Школьный приятель, – ответил Лёшка.

Голос дрожал, щеки горели, будто снегом натерли. К счастью, настольная лампа отключена, а то сестренка стала бы ему мерить температуру, как плюшевому зайцу Витьке.

– А почему он к нам в гости не приходит? – спросила сестра.

Возмущение помогло преодолеть страх.

– Он плохо учится, его мама не отпускает гулять, – сказал Лёшка. – Ты бы звук отключил, – шепотом попросил МИКа.

– Сделано! – бодро отозвался тот.

И видео стало беззвучным.

«Однако легко он у меня в планшете рулит», – подумал Лёшка.

Передвинул запись вперед, разглядел номер дома рядом с бомбой, записал адрес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.